

Гость на мгновение замер, а Юйвэнь Му и вовсе лишился дара речи. Я же, с безразличием наблюдая за их предсказуемыми гримасами, лениво зевнул и обратился к наставнику:

— Неужели ты думал, что раз сам не учил меня искусству маскировки, то я не додумаюсь освоить его своими силами?

Наша хижина была невелика, но по планировке не уступала добротной усадьбе. Две трети пространства занимал кабинет, где, помимо классических трудов по всем мыслимым наукам, хранились записи самого Юйвэнь Му — плоды его многолетних раздумий. В горах часто шли дожди, и когда непогода мешала тренировкам, я пропадал в библиотеке. Никогда не страдал ложной скромностью насчет своих талантов: читал я быстро, а запоминал — намертво. За три года я волей-неволей изучил добрую половину этого книжного собрания. Были там и свитки об искусстве менять облик. Любопытства ради я пробовал мастерить маски сам; получалось, честно говоря, не слишком изысканно, но зато теперь я безошибочно видел, когда чужое лицо — лишь искусная подделка.

Юйвэнь Му наконец опомнился и расхохотался:

— Ах ты, лукавое создание! И впрямь — самоучка!

Гость, чья тайна была раскрыта, и не думал паниковать. Он лишь слегка улыбнулся и провел рукой по лицу. Тончайшая кожа, прозрачная, словно крыло цикады, соскользнула и повисла в его пальцах.

— Младший брат и впрямь пронцателен. Признаю свое поражение.

Значит, из «котенка» я внезапно превратился в «младшего брата»? Я холодно хмыкнул и поднял взгляд, но тут же невольно замер, пораженный его истинным лицом. На ум тут же пришли строки древнего поэта:

«Водные блики в сиянии слиты с небесами,

Снежные хлопья в кружении медлят, не тая».

Будь у меня такая внешность, я бы тоже прятал её под личиной.

— Ну что, младший брат, налюбовался?

Я вздрогнул. Не ожидал, что мои недавние насмешки обернутся против меня самого. Мысленно выругавшись, я отвел глаза. Каждый день глядя в зеркало, я видел красоту куда более совершенную, чем у этого человека, и все равно умудрился засмотреться на этого наглеца. Какой позор.

Впрочем, хотя лицо в зеркале и было прекраснее, в нем сквозила мягкость и некая женственность. В глубине души я, должно быть, всегда стремился к такой мужественной, суровой стати. Именно так должен выглядеть настоящий мужчина, а не обладатель «девичьего лика», как мой нынешний облик.

подавив мимолетный укол зависти к его внешности, я взял гадальный коробок с бамбуковыми палочками.

— Начнем?

Юйвэнь Му с любопытством наблюдал за мной. Его удивляло, что я не задал ни одного вопроса. Обычно перед гаданием нужно прояснить помыслы пришедшего, чтобы предсказание обрело почву.

— Сперва я взгляну на его судьбу.

Понять предназначение — значит увидеть основу человека. Между Юйвэнь Му и этим названным «Чэньцзюнем» было слишком много тайн, в которые меня не посвящали. Даже если бы я спросил, они могли промолчать или, что еще хуже, солгать. Поэтому я решил сам прочесть его жребий.

Хотя от осознания их скрытности в груди неприятно ныло.

Сидящий напротив мужчина с интересом наблюдал за моими манипуляциями, словно за фокусами уличного шарлатана. Я же одарил его взглядом, полным глубочайшего презрения, и, не отводя глаз, начал трясти коробок.

Первая черта — ян.

Продолжаем.

Вторая — ян.

Дальше.

Третья — ян.

Снова.

Четвертая — ян.

Я на миг замер, но продолжил.

Пятая черта — ян.

Я опешил. Неужели сегодня день небывалой удачи?

Шестая черта.

Я застыл, не веря своим глазам.

Я всегда привык объяснять перемены Книги Ицзин теорией вероятности. Обычно среди шести черт выпадают три на три или четыре на две; даже пять к одному — редкость. А сейчас...

Снова ян.

С выражением, в котором смешались недоумение и подозрение, я принялся заново изучать этого человека. Физиогномику я недолюбливал, но Юйвэнь Му заставил меня вызубрить азы. Помнится, в трактатах говорилось, что люди с «глазами феникса» зачастую коварны и лживы, а обладатели тонких губ — обделены счастьем, долголетием и душевным теплом. Раньше я в это не верил: черты лица — наследственность, а характер — плод воспитания.

Но сейчас, глядя на гостя, я видел в нем лишь хитрость и холодное бессердечие. Куда делось недавнее восхищение его статью? Теперь его мужественная красота казалась мне лисьим очарованием. С первого взгляда ясно: перед нами человек дурной и опасный.

— Цинмин, какой странный знак... Все шесть черт — янские. Никогда прежде не видел ничего подобного.

Раньше мы с Юйвэнь Му разбирали триграммы на примерах конкретных дел. И ни разу нам не выпадала эта гексаграмма.

Первая из шестидесяти четырех — гексаграмма Цянь.

Я невольно вздрогнул. Мой «старший брат», кажется, почувствовал себя неуютно под моим пристальным взглядом. Он выдавил смешок:

— Младший брат, что всё это значит? Судьба благая или нет? Скажи прямо, не пугай меня своим меняющимся выражением лица.

Юйвэнь Му тоже разволновался:

— Цинмин, не томи. Знак и впрямь необычный. Что ждет Чэньцзюня?

Я стер с лица все эмоции и, собравшись с духом, произнес:

— У судьбы вашего гостя нет изъянов. Пожалуй, во всей Поднебесной не найдется человека с более счастливой долей.

Они обменялись взглядами; в их глазах читалось нечто необъяснимое. Юйвэнь Му спросил:

— Что же это за удел такой великий?

— Удел императора. Разве может быть что-то выше?

Гость мгновенно скривился.

— Младший брат, — прошипел он ледяным тоном, — ешь что угодно, но словами не разбрасывайся. Такие речи — преступление. Услышь нас кто чужой, и беды не миновать.

Я посмотрел на него в упор, не меняя выражения:

— Если не веришь мне, то верь своему наставнику. Раз ты пришел к нему за гаданием, значит, дело касается именно этого. Учитель тебя не обманет, а я лишь передаю то, что открылось. Гексаграмма Цянь — символ Неба. В толковании сказано: «Изначальное, Свершающее, Благоприятное, Непокколебимое». Это чистый творческий импульс, корень мироздания, где всё идет гладко и верно. Это власть созидания, которой ничто не может противостоять. Это высшее знамение удачи. В делах — полный успех, в опасностях — чудесное спасение. Если же этот знак выпадает человеку как судьба, то перед нами — истинный Дракон, Сын Неба. И никто иной не может претендовать на столь чистый янский жребий.

Дослушав, они снова посмотрели друг на друга, и они медленно заулыбались. Видя их безмолвное общение, я почувствовал, как в груди закипает ярость. Так я и знал. Человек столь всесторонне одаренный, как Юйвэнь Му, не стал бы скрываться в лесной глуши без веской причины. Я перебирал в уме разные варианты, но не думал, что он — «наставник императора». Или, по крайней мере, будущего императора.

— Цинмин, об этом нельзя говорить никому, слышишь?..

Серьезный тон Юйвэнь Му подлил масла в огонь моего раздражения. Я огрызнулся:

— В этих горах я и призрака не встречу, кому мне болтать?

Заметив мое недовольство, Юйвэнь Му смутился, но промолчал. Зато заговорил гость, чей «императорский лик» теперь сиял улыбкой:

— Младший брат наделен великим умом. Уверен, в будущем тебя ждут великие дела.

Хм, не сомневайся. О свершениях я позабочусь. Только вот хватит ли у вас сил выдержать их последствия?

Хватит ли у тебя, «любимца судьбы», сил выдержать мою ненависть?

— Не радуйся раньше времени, — я бросил на него колючий взгляд. — Знак лишь говорит о возможности. Судьба велика, но преграды преодолевать придется тебе самому. Ты ведь за этим пришел? Чтобы учитель помог тебе пройти через трудности?

— Младший брат прочел это в гексаграмме? Прошу, расскажи подробнее.

Глядя на его внезапно проснувшееся рвение к учебе, я лениво принялся разъяснять:

— Сказано: «Дракон, попавший в воду, обретает удачу, радость сияет на челе, все чаяния сбываются, и величие его растет». Первая черта — Скрытый Дракон: не действуй. Время затишья и накопления сил. Полагаю, этот этап ты уже миновал. Вторая черта — Явленный Дракон на поле: благоприятно свидание с великим человеком. Дракон вышел на равнину, пора проявить доблесть и таланты. Ты здесь, чтобы просить наставника покинуть горы и помочь тебе. Учитель и есть тот «великий человек», что тебе нужен. Третья черта — Благородный муж до конца дня деятелен: вечером он бдителен, словно в опасности, и тогда не будет худа. Твои таланты привлекут внимание, нужно трудиться без усталости, быть начеку днем и ночью, чтобы избежать беды. Четвертая черта — Прыжок в бездну: не будет худа. Дракон либо взмывает ввысь, либо отступает в глубину — действуй по обстоятельствам, и ошибки не будет. Это твой решающий момент. Пятая черта — Летящий Дракон в небе: благоприятно свидание с великим человеком. Дракон в зените, он правит миром. На этом этапе тебя ждет истинный триумф, и вновь появится «великий человек», который поможет завершить начатое. Но есть и последняя черта. Шестая черта — Гордый Дракон: будет раскаяние. Это предел могущества. Когда дракон достигает высшей точки, за ней следует лишь спад. Кто знает лишь как наступать, но не умеет вовремя отступить, того ждет горькое сожаление.

На этот раз они не переглядывались. В комнате воцарилась тишина. Каждый погрузился в свои мысли.

Наконец Юйвэнь Му заговорил:

— Чэньцзюнь, ты пришел просить меня уйти с тобой?

— Наставник, — голос гостя был полон благоговения, — хотя вы живете в глуши, ваше сердце

бьется в такт с миром. Со времен гибели семьи Оуян три года назад баланс между четырьмя державами пошатнулся. Хрупкое равновесие рушится, скоро карта мира будет перекроена. Наступает время, которого герои ждали веками — время великого объединения. Ваш талант уникален. Если вы поможете мне, мы впишем ваши имена в историю. Неужели вы готовы похоронить свои стремления здесь, среди скал?

Он не готов.

Я знал это лучше всех. Если бы он был просто отшельником, его кабинет не ломился бы от трактатов по управлению государством. Если бы он не мечтал о славе, он не гадал бы каждый раз о судьбах мира. Если бы он не хотел действовать, он не довел бы свое боевое искусство до совершенства.

Он колебался лишь по одной причине. В его выверенном жизненном плане возникла случайность.

Мое появление стало неучтенной переменной.

В груди кольнуло, но я промолчал. Не будь меня, он бы давно ушел. С радостью бы встал плечом к плечу с этим «будущим императором». Не будь меня... жил бы он тогда свободнее?

Я с трудом поднялся и отошел к самому краю площадки. Наша обитель стояла на огромном валуне, нависшем над глубоким озером. Внизу темнела чистая вода, вверху раскинулось бесконечное небо. В этом мире ночной небосвод был прозрачен, словно хрусталь, усыпанный яркими, четкими звездами.

Звезды Правителей на четырех краях небес утратили былое сияние. Та, что на востоке, дрожала, а окружающие её звезды-спутники разгорались всё ярче. Одна из них, ближайшая к Правителю, уже почти затмевала его. Но среди прочих мерцала еще одна — с явственным багряным оттенком. Она не была самой яркой, но в ней чувствовалась наибольшая изменчивость.

Звезды трех других сторон мерцали тускло и неверно. А в самом центре небосвода разгоралось новое светило, чистое и величественное. Очевидно, когда падут четверо старых Правителей, воссияет новая Императорская Звезда. Наступит эра единения.

Вот только претендентов было несколько. Помимо моего «старшего брата» — той самой багряной искры на востоке, — тревожные алые отблески виднелись на севере и западе. И только юг оставался пустым.

Юйвэнь Му как-то обмолвился, что на юге тоже была звезда, но три года назад она рухнула.

С её падением и закончилось время равновесия.

Началась эпоха перемен.

Мне не нужно было объяснять — этой рухнувшей звездой был мой отец.

Учитель говорил и другое: когда та звезда упала, подле новой центральной Императорской Звезды появилась Темная Звезда.

Она — главная загадка в этом танце держав, и никто не знает, куда она склонится.

И вот сегодня эта Темная Звезда вдруг вспыхнула рядом с императорской мягким золотым светом. Словно пламя, рвущееся из-под плотного занавеса.

— Цинмин, что видишь?

Юйвэнь Му встал рядом со мной.

— Скоро явится Фениксова Звезда.

— Фениксова Звезда?! — Юйвэнь Му вздрогнул. Видимо, он не ожидал такого ответа.

Древние хроники гласили: явление Феникса предвещает великую смуту. Это знак эпохи объединения, когда несколько правителей бьются за трон, а Феникс обладает правом выбора. Кого он выберет, тот и станет истинным владыкой новой эры.

Явится Феникс — мир погрузится в хаос.

Юйвэнь Му побледнел. Он тихо спросил:

— И где же она сейчас?

Я посмотрел на него и прошептал:

— Над Долиной Забвения Забот.

Воцарилась мертвая тишина. Гость за нашими спинами не торопил наставника, терпеливо ожидая решения. Я медленно подошел к Юйвэнь Му и взял его холодную ладонь в свою.

«Не иди», — безмолвно просил я.

Даже если ты можешь выбрать императора, помни: в конце пути судьба Феникса всегда трагична. Я не хочу для тебя такой доли. Не хочу, чтобы ты страдал. Оставайся здесь, в долине. Какое тебе дело до великого объединения, что случается раз в тысячелетие? Лишь бы ты был в безопасности, лишь бы прожил долгий и спокойный век, лишь бы ты...

Он сжал мою руку в ответ и улыбнулся так, что померкли звезды.

— Не бойся, — сказал он. — Я рядом.

Вернувшись к столику, Юйвэнь Му посмотрел на гостя:

— Хорошо. Я согласен.

Это известие ударило по мне сильнее грома. Человек, который только что утешал меня, теперь бросал меня в эту пучину. Я попытался вырвать руку, но он держал крепко.

— Но Цинмин пойдет со мной.

В глазах потемнело. Я с силой вырвался, отступил на шаг и уставился на него с яростью.

— Фэн... Цинмин?

Он смотрел на меня с нескрываемым изумлением.

— Что случилось, младший брат? — гость встал рядом с Юйвэнь Му, загораживая его собой.

Один — воплощенная властность, другой — мягкая яшма. Идеальный союз силы и гибкости. Я горько усмехнулся. Должно быть, в их глазах эта усмешка была похожа на крик боли.

— Время еще не пришло.

— Что? — гость нахмурился, не понимая.

Я сделал еще шаг назад. Юйвэнь Му понял, о чем я, и лишь печально покачал головой.

— Я не могу оставить тебя здесь одного.

Юйвэнь Му сделал шаг ко мне. В ночи он казался таким же чистым и прекрасным, как в день нашей встречи — словно небожитель, сошедший с лотоса, чтобы вытащить меня из грязи.

Но я не хотел спастись снова. Первая попытка заставила меня привязаться к нему; если это случится во второй раз, я никогда не смогу покинуть его мир.

А у меня были дела, которые я обязан завершить. Я не мог позволить себе утонуть в его тепле. Я должен бежать. Из его мира, из этой прекрасной сказки, которой он окружил меня, защищая от реальности.

— Ты говорил, что мир не так уж безнадежен, как мне кажется, — я смотрел на него, запечатлевая в памяти каждую черту его безупречного лица. — Хорошо. Я буду ждать тебя год. Дай мне повод больше не ненавидеть этот мир.

Я замолчал, стараясь не замечать его боли.

— Если через год ты не вернешься — я начну действовать.

Я не слушал, как он звал меня. Я бросился в свою комнату и забился под одеяло. Гнездо, которое он свил для меня, было так полно его запаха и тепла. Я хотел насладиться этим в последний раз. Кто знает, сколько холода ждет меня впереди, когда его не будет рядом.

<http://bllate.org/book/17477/1692822>